

Юридические науки

УДК 34

ПОНЯТИЕ ПОВОДА К ВОЗБУЖДЕНИЮ УГОЛОВНОГО ДЕЛА²

Е.С. Кузьменко, Нижегородская академия МВД России (Нижний Новгород, Россия)

Аннотация. В данной работе проводится исследование теоретических и практических основ возбуждения уголовного дела, при этом уделяется особое внимание системе поводов для возбуждения уголовного дела

Ключевые слова: уголовное дело, возбуждение уголовного дела, уголовное право.

Размышления о системе поводов к возбуждению уголовного дела целесообразно начать с выяснения понятия повода. Последнее имеет *методологическое значение*. Это понятие предопределяет не только совокупность элементов, дающих импульс для возникновения и движения уголовного судопроизводства, но и саму их системную организацию (системность).

Понятие поводов к возбуждению уголовного дела относится к числу проблемных. Единообразия взглядов на его содержание не достигнуто ни в науке, ни в праве³. Уголовно-процессуальное право попросту игнорирует этот вопрос: ни один из УПК РСФСР не давал расшифровки понятия повода; УПК РФ также ничего не прибавил в этом отношении: определение понятия повода не предлагается ни в дефинитивной статье 5 УПК РФ, ни в ст. 140 УПК РФ, именуемой «Поводы и основание для возбуждения уголовного дела».

Юридическая наука пытается дать объяснение подобному положению дел. По мнению И.Р. Дмитриева, при выяснении природы данного обстоятельства можно выдвинуть две диаметрально противоположные гипотезы. «Первая заключается в том, что повод следует рассматривать как понятие априори известное любому правоприменителю на интуитивно-семантическом уровне. Вторая, напротив, квалифицирует повод как сложное явление, понимание которого возможно лишь на теоретическом уровне» [12, С. 68].

«Представляется, – пишет он далее, – что и здесь истина находится посередине. По нашему мнению, практическому работнику для осознания сути повода вполне достаточно

² Статья представлена магистром социальной работы Т.М. Хусяиновым (Нижний Новгород, Россия). **Научный руководитель:** доктор юридических наук, профессор М.П. Поляков. **Ведущая организация:** Волгоградская академия МВД России. **Оппоненты:** доктор юридических наук, профессор А.Ф. Лубин; кандидат юридических наук, доцент С.П. Гришин. **Отзывы прислали:** профессор кафедры Института повышения квалификации руководящих кадров Генеральной прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент А.В. Агутин; доцент кафедры уголовного процесса СибЮИ МВД России, кандидат юридических наук, доцент П.Л. Сурихин; начальник кафедры уголовного процесса Калининградского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент, подполковник милиции В.Н. Авдеев; Начальник Омской академии МВД России, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Б.Б. Булатов; Заведующий кафедрой уголовного права и процесса Омского юридического института, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, доцент Ю.В. Деришев.

³ У нас есть основания полагать, что проблемным данное понятие было изначально. Современники Устава уголовного судопроизводства, в котором и появилось впервые понятие повода, отмечали его (повода) неоднозначность и разнообразное процессуальное значение. См., например: *Случевский В.* Русский уголовный процесс. – СПб., 1913. – С. 444; *Розин Н.Н.* Уголовное судопроизводство. – Петроград, 1914. – С. 421–422.

«голового» термина и правового чутья. Именно это чутье позволяет ему действовать в рамках законности и при отсутствии развернутой нормативной дефиниции повода; его ведет к цели практическая интерпретация. Однако для совершенствования технологии стадии возбуждения уголовного дела и одноименного правового института указанного чутья оказывается явно недостаточно. Здесь необходима объяснительная теория повода, вскрывающая его социальную, информационную и юридическую сущность» [12, С. 69].

Полагаем, что следует согласиться с И.Р. Дмитриевым в том, что понятие повода необходимо рассматривать с двух сторон: теоретической и практической⁴. Нельзя отдавать толкование повода на откуп исключительно интуиции практических работников. Интуитивное понимание может привести к двум крайностям: либо к чрезмерному расширению этого понятия, либо, напротив, к очень узкому его пониманию. И то, и другое может навредить производству по реальному уголовному делу и оказать негативное влияние на права граждан.

Не менее вредно и исключительно теоретическое осмысление поводов. Несмотря на то, что одним из общих методологических требований, предъявляемых к теории, называется ее простота (по сравнению с предыдущей теорией), чрезмерно упрощенное понимание предмета едва ли можно признать уместным.

К сожалению, далеко не все процессуалисты относят повод к числу явлений неоднозначных, сложных, многоплановых и многопорядковых [37, С. 16]. Значительная часть исследователей акцентирует внимание исключительно на формально-информационной стороне повода, предлагая понимать последний как *источник, из которого компетентные государственные органы получают информацию о преступлении* [15, С. 6; 28, С. 9; 33, С. 13; и др.].

Обратим внимание на то, что в сноске приводятся источники, разница между которыми (имеется в виду дата опубликования) достигает более тридцати лет. Этот факт подтверждает, что *имеет место устойчивая тенденция одноаспектного упрощенного понимания повода*. Свидетельства указанной тенденции в обилии содержатся и в современных источниках, в частности, в комментариях к УПК РФ⁵. Приведем несколько характерных цитат с нашими акцентами, помеченными курсивом.

Б.Т. Безлепкин: «Поводом к возбуждению уголовного дела называется предусмотренный УПК *источник первичной информации* о готовящемся или совершенном деянии (действии или бездействии), содержащем признаки конкретного состава преступления» [4, С. 191].

А.П. Рыжаков: «Повод к возбуждению уголовного дела – это *источник осведомленности* органа дознания, следователя или прокурора о готовящемся, совершаемом и совершенном преступлении» [29, С. 392].

Т.Н. Москалькова: «*Источник информации* о преступлении, надлежаще оформленный и переданный лицу или органу, уполномоченному принимать решение о

⁴ На двойную (теоретико-прикладную) значимость понятия повода обращает внимание П.П. Сердюков. «Уяснение истинной процессуальной сущности поводов, – указывает он, – представляет... не только теоретический интерес, но и приобретает важное практическое значение для правильного разрешения задач первой стадии судопроизводства и всего судопроизводства в целом». См.: *Сердюков П.П. Доказательства в стадии возбуждения уголовного дела: Учебное пособие.* – Иркутск, 1981. – С. 4.

⁵ Мы не случайно обратили внимание на комментарии, поскольку именно они формируют предпосылки практического понимания поводов.

возбуждении уголовного дела, называется поводом к возбуждению уголовного дела» [21, С. 302].

В.Т. Томин, М.П. Поляков: «Повод – это *информационный источник*, из которого компетентные органы получают сведения о наличии данных о признаках преступления, а также сигнал об обязательности провести проверку наличия таких признаков» [16, С. 371].

А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский: «Повод для возбуждения уголовного дела – это сообщение о преступлении, полученное из *предусмотренного комментируемой статьей* (ст. 140 УПК РФ. – **Е.К.**) *источника*, прием которого обязывает органы расследования (а по делам частного обвинения судью) приступить к уголовно-процессуальной деятельности» [32, С. 362].

Приведенные цитаты наглядно подтверждают, что *толкование повода как источника информации о преступлении сегодня доминирует*. Это, на наш взгляд, можно объяснить эмпирической доступностью названной интерпретации. Именно как источник повод воспринимается с практической точки зрения. Можно сказать, что «источниковый» подход – это внешнее понимание повода, то, что видится при первом приближении к изучаемому объекту, что исследователь наблюдает и осязает.

Однако вряд ли следует оспаривать, что понимание повода к возбуждению уголовного дела не может быть достигнуто только эмпирическими методами. Даже формирование четких представлений о поводе как источнике информации о признаках преступления требует теоретических методов познания.

Представлять повод к возбуждению уголовного дела как источник информации еще не означает сделать это понятие абсолютно простым и ясным. Даже в рамках «источникового» подхода тоже существуют спорные моменты. Например, вопросы, связанные с формальными признаками повода-источника. На это, в частности, обращают внимание Н.В. Жогин и Ф.Н. Фаткуллин. «Во-первых, – пишут они, – следует учесть, что сведения, необходимые для возбуждения уголовного дела, могут быть получены из троякого рода источников: из заявления (сообщения) о преступлении, из приложенных к нему материалов и из документов, добытых в ходе проверки сообщения. Из этих источников два последних – документы, приложенные к сообщению (заявлению), и материалы, добытые при его проверке, – ни при каких условиях под понятие повода не подходят. Иначе теряется смысл данного процессуального понятия. Даже заявления (сообщения), рассматриваемые обычно в качестве источника, из которого органы прокуратуры, суда, следствия и дознания узнают о преступном факте, не во всех случаях имеют значение повода. В частности, по правонарушениям, преследуемым в порядке частного и частно-публичного обвинения, заявления или сообщения лиц, непосредственно не пострадавших от преступления, не являются поводом к возбуждению уголовного дела, хотя они – источники, из которых органы суда, прокуратуры, следствия и дознания могут узнать о совершенном общественно опасном деянии» [13, С. 90].

Эта обнаружившаяся сложность не позволяет ограничиваться только «источниковым» подходом. Даже беглое применение теоретических методов осмысления позволяет предположить сложную внутреннюю структуру повода и связь с другими процессуально-информационными феноменами, в частности, с основанием. Подобное понимание мы можем разглядеть в анализируемых цитатах. Вполне очевидно, что в некоторых

приведенных выше позициях имеют место нюансы, дающие дополнительную характеристику поводам.

Так, авторы двух последних цитат (см. комментарии к УПК РФ) подчеркивают побудительный характер повода, его способность (или обязанность) побуждать компетентные органы к определенным действиям. Таким образом, к информационной стороне повода прибавляется сторона волевая. Игнорировать эту сторону уголовный процесс тоже не может.

Все эти обстоятельства указывают, что повод – понятие сложное, многоуровневое. И одной только «источниковой» трактовки повода для понимания его сущности недостаточно.

На этой позиции стоит и нижегородская школа процессуалистов. В комментарии к УПК РСФСР В.Т. Томин предельно конкретно акцентировал внимание на как минимум двойственной природе повода. Он, в частности, указал: «Повод – информационный сигнал, который, с одной стороны, содержит сведения о признаках преступления, а с другой, – являет собой юридический факт, требующий от соответствующего органа совершения определенных предусмотренных законом (ст. 109 ч. 3 УПК РСФСР) действий» [35, С. 203].

Как видим, помимо информационной трактовки к поводу прибавилась трактовка *юридическая*. Повод было предложено рассматривать еще и как юридический факт. В.Т. Томин подчеркнул, что «сущность повода одной лишь информационной стороной не исчерпывается. Повод для органа, правомочного возбудить уголовное дело, – это не только дополнительная информационная возможность. Это еще и обязанность. Повод должен быть, следовательно, рассмотрен и как юридический факт, наступление которого порождает у соответствующих субъектов обязанность принять предусмотренные законом уголовно-процессуальные меры» [26, С. 12].

В.Т. Томин не единственный ученый, придерживающийся подобной позиции. Рассматривать повод к возбуждению уголовного дела как юридический факт предлагали Н.В. Жогин, Ф.Н. Фаткуллин и целый ряд других исследователей [14, С. 6; 18, С. 352; 24, С. 300; 34, С. 270]. Мы выделяем позицию Валентина Тимофеевича по той причине, что воспринимали ее непосредственно. На своих лекциях, читаемых в Нижегородской академии МВД России, В.Т. Томин выделял, наряду с информационной стороной повода, и его сигнальную характеристику.

Закономерен в связи с этим вопрос: что означает сигнальная сторона и есть ли разница между сигнальной и юридической трактовками повода?

В общих чертах суть сигнального аспекта можно прояснить посредством толкового словаря. Слово «сигнал» объясняется трояко: «1) условный знак для передачи на расстояние каких-нибудь сведений, сообщений; 2) то, что служит толчком к началу какого-нибудь действия; 3) предупреждение, сообщение о чем-нибудь нежелательном» [22, С. 715-716].

Все три приведенных значения имеют отношение к поводам для возбуждения уголовного дела. Однако наиболее близким является второе значение – *сигнал о необходимости начинать действовать*. Именно эта необходимость подтверждается на законодательном уровне. Причем она выводится непосредственно из принципов уголовного процесса, в первую очередь из принципа публичности: в каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и

дознатель принимают предусмотренные УПК РФ меры по установлению события преступления, избличению лица или лиц, виновных в совершении преступления (ч. 2 ст. 21 УПК РФ).

Таким образом, *сигнальная сторона повода подчеркивает одно из важнейших его свойств – способность породить деятельность*. На это в свое время обратил внимание Я.О. Мотовиловкер. По его мнению, повод к возбуждению уголовного дела является *импульсом, толчком* к началу уголовно-процессуальной деятельности по конкретному уголовному делу, содержащий сведения, обязывающие компетентные органы принять решение либо о возбуждении уголовного дела, либо об отказе в этом [20, С. 61].

Любопытное определение повода предлагает В.Н. Григорьев. Он пытается поместить в него все известные стороны этого явления. «Повод для возбуждения уголовного дела – это то, с чего начинается уголовное судопроизводство, его первый момент, побудительное начало, толчок к деятельности (выделено нами. – Е.К.). Повод можно определить как такое явление объективной действительности, с которым закон связывает возникновение у дознавателя, органа дознания, следователя, прокурора юридической обязанности разрешить вопрос о возбуждении уголовного дела, т. е. принять одно из следующих решений: 1) возбудить уголовное дело; 2) отказать в возбуждении уголовного дела. Предусмотренное в пункте 3 ч. 1 ст. 145 УПК решение о передаче сообщения по подследственности, а по уголовным делам частного обвинения – в суд не освобождает получивший его суд или орган расследования от обязанности принять решение по существу [10, С. 7]. Конкретные формы указанных явлений перечислены в ст. 140 УПК: 1) заявление о преступлении; 2) явка с повинной; 3) сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников»; 4) постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании, 5) материалы о преступлениях, предусмотренных ст. 172.1 УК РФ, направленные Центральным банком РФ в соответствии с Федеральным законом от 10 июля 2002 года № 86-ФЗ №О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», а также конкурсным управляющим (ликвидатором) финансовой организации для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Как видим, побудительное свойство повода В.Н. Григорьев ставит во главу угла. Так же поступают и другие процессуалисты. «При уяснении существа повода, – подчеркивают Н.В. Жогин и Ф.Н. Фаткуллин, – самое важное – его побудительная сторона, которая дает ответ на данный вопрос. А с этой стороны повод есть условие, при наличии которого закон уполномочивает совершить действия и вступить в отношения, образующие в своем единстве деятельность по возбуждению уголовного дела. Повод выступает как правовая предпосылка, а эти процессуальные действия и отношения – как ее результат» [10, С. 92].

А.Р. Михайленко отмечает, что в этой побудительной силе как раз и проявляется правовое значение повода к возбуждению уголовного дела: «...он вызывает публичную деятельность органов дознания, следователя, прокурора или суда, судьи, требует, чтобы эти органы соответствующим образом реагировали на каждый сигнал о готовящемся или совершенном преступлении. Не будь повода к возбуждению уголовного дела – общественно опасные деяния оставались бы без внимания. Именно повод к возбуждению уголовного дела вызывает осуществление и применение уголовного закона» [19, С. 26].

В приведенной цитате содержится предпосылка ответа на вторую часть вопроса о соотношении сигнальной и юридической стороны повода. Из *сигнальных свойств повода вытекает его способность становиться юридическим фактом*. На этом основании некоторые процессуалисты уравнивают сигнальную и юридическую сторону. Так, С.П. Сереброва, опираясь на определение повода, сформулированное В.Т. Томиным, предпочла говорить не о сигнальной, а именно о юридической стороне понятия повода. Цитата, которую мы приводим ниже, говорит сама за себя.

«Повод к возбуждению уголовного дела – установленный законом информационный источник, из которого компетентные органы получают сведения о наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления или (выделено нами. – Е.К.) сигналы о необходимости провести проверку наличия таких признаков. Повод имеет две стороны: информационную и юридическую. Во-первых, он носит информационный характер о совершившемся деянии (информационная сторона повода), а во-вторых, обязывает компетентные органы начать проверку этой информации (юридическая сторона повода)» [1, С. 290].

Схожую позицию занимают Н.А. Громов, В.А. Пономаренков и Ю.В. Франциферов. По их мнению, повод – это и сигнал о необходимости провести проверку наличия признаков преступления, и юридический факт, наступление которого порождает у соответствующих субъектов обязанность принять предусмотренные законом уголовно-процессуальные меры [11, С. 255].

Однако вернемся к определению, данному С.П. Серебровой. Может показаться, что в приведенной цитате имеется противопоставление между информационной и сигнальной стороной: повод толкуется как «сведения... или сигналы». Автор обращается к разделительному союзу «или». В результате появляется некая альтернатива: либо в поводе содержится информация, либо сигналы. Однако эта альтернатива, по нашей оценке, относится не столько к поводу, сколько к деятельности, им порождаемой: при достаточности данных, указывающих на признаки преступления, возбуждается дело и начинается предварительное расследование; при недостаточности данных производится деятельность по их восполнению. Поэтому В.Т. Томин не разделяет, а объединяет информацию и сигналы⁶. Именно так он поступил в комментарии к УПК РСФСР, когда объяснил повод как «информационный сигнал». Из этой формулировки становится предельно ясно, что *повод, с одной стороны, информирует, с другой – побуждает действовать*.

Юридическая сторона повода не может быть оторвана от его сигнальной (побудительной) стороны. Юридический факт рождается в процессе деятельности. В.М. Быков и Л.В. Березина, приняв за основу интерпретацию юридического факта, предложенную С.С. Алексеевым («конкретное жизненное обстоятельство, с которым нормы права связывают возникновение, изменение или прекращение правоотношений» [2, С. 72. Цит. по: 8, С. 61]), отмечают следующее: «Заявление (в текстовой форме) само по себе в отрыве от деятельной стороны не может быть признано таким жизненным

⁶ Мы апеллируем к позиции В.Т. Томина на том основании, что он является первым автором определения, в котором также содержится разделительный союз «или». См.: *Практикум по советскому уголовному процессу*. – С. 12.

обстоятельством. Оно является лишь формой процессуального закрепления наличия конкретного юридического факта, состоящего в действии лица, направленном на сообщение об известных ему обстоятельствах совершенного или готовящегося преступления компетентному органу или должностному лицу, содержание которого и фиксируется в самом тексте заявления» [8, С. 61].

Указанные авторы признают: повод может быть истолкован как юридический факт⁷ только в контексте соответствующей осмысленной деятельности субъектов⁸. В связи с этим В.М. Быков и Л.В. Березина предлагают следующее определение понятия поводов: «Поводы для возбуждения уголовного дела – это предусмотренные уголовно-процессуальным законом действия (выделено нами. – Е.К.) гражданина, должностного лица, учреждения, предприятия, организации, направленные на заявление, сообщение органу дознания, дознавателю, следователю и прокурору о совершенном или готовящемся преступлении. Либо это могут быть их собственные действия, процессуально оформленные в соответствии с законом и влекущие обязанность разрешить вопрос о возбуждении либо отказе в возбуждении уголовного дела» [8, С. 67].

В этом определении отражается еще одна концепция: *понимание повода как действия*⁹. Этот аспект, как было показано выше, имеет очень важное значение. Однако и он не может быть воспринят как единственный. Мы еще раз подчеркнем: *повод – понятие сложное и многоаспектное*.

Указанная многосторонность, включающая в себя информационные, формальные, волевые и функциональные аспекты, позволяет сделать предположение, что понятие повода к возбуждению уголовного дела *сродни такому юридическому понятию, как доказательство*¹⁰.

Мы не первые, кто приходит к подобному предположению. В науке уголовного процесса в свое время возникла группа последователей этой точки зрения. По мнению В.Д. Арсеньева, «поводами к возбуждению уголовного дела во всех случаях являются доказательства (выделено нами. – Е.К.) совершения преступления, полученные компетентными органами от других организаций и лиц, или обнаруженные этими органами по собственной инициативе» [3, С. 11]. В поддержку этой точки зрения выступила в свое время А.Н. Копьева. Она, в частности, указала, что заявление или сообщение о преступлении – не только источник определенных сведений, но и есть документ, (выделено нами. – Е.К.) имеющий определенное содержание, которое «не безразлично для органов, ведущих борьбу с преступностью, так как только сведения о преступлении могут повлечь уголовно-процессуальные последствия. Поэтому нам представляется наиболее убедительной точка зрения, согласно которой поводом является доказательство (выделено нами – Е.К.) о совершенном или готовящемся преступлении» [17, С. 90].

⁷ В некоторых работах авторы идут еще дальше, рассматривая поводы как юридический (процессуальный) фактический состав. См.: *Дмитриев И.Р.* Указ. соч. – С. 81–85.

⁸ По мнению Р.Х. Якупова, поводом является, в том числе, и факт получения сообщения о преступлении компетентным органом. См.: *Якупов Р.Х.* Уголовный процесс: Учебник для вузов. – М., 1999. – С. 210.

⁹ См. также: *Михайленко А.Р.* Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе. / Под ред. проф. А.Л. Цыпкина. – Саратов, 1975. – С. 23.

¹⁰ Заметим, что Верховный Суд РФ по одному из уголовных дел обоснованно признал заявление о явке с повинной не только поводом, но и доказательством по делу. См.: Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 16 июля 2004 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2005. – № 6. – С. 30.

На доказательственную сущность повода обращается внимание и в современных работах. В.Н. Григорьев пишет: «Из текста закона (п. 3 ч. 1 ст. 140, ст. 143) вытекает и другое значение явлений объективной действительности, названных в качестве поводов для возбуждения уголовного дела – быть источником сведений о преступлении. В этом качестве они могут быть доказательствами, (выделено нами – Е.К.) которые после возбуждения уголовного дела приобретают процессуальную форму «иных документов» [10, С. 8].

Приведенные позиции близки нам. В связи с этим мы должны выразить свое несогласие с мнением А.П. Попова, полагающего, что позиция, делающая акцент на сходстве поводов и доказательств, «не прижилась в уголовно-процессуальной науке». Интересно и приведенное объяснение этой констатации. «По сути, – пишет А.П. Попов, – ставя знак равенства между поводами и доказательствами, авторы уравнили понятия повода и основания, а это полный абсурд. Повод и основание находятся в соотношении «форма – содержание». Очевидно, что смешиваться они не могут (точнее, не должны) ни при каких обстоятельствах» [25, С. 45].

Полагаем, что подобное разграничение (по существу, изоляция поводов и оснований) опирается на ошибочные методологические позиции, однако речь об этом пойдет в следующей статье. А пока вернемся к доказательственной трактовке поводов.

Полагаем, что родство понятий поводов и доказательств опять же проявляет себя через свойство повода выступать юридическим фактом. В качестве аргумента мы вновь приведем позицию Н.В. Жогина и Ф.Н. Фаткуллина, которые сделали вывод о том, что «законодатель именуется поводом те условия, при наличии которых у надлежащих должностных лиц появляются определенные права и обязанности. Он связывает с поводом возникновение ряда правовых отношений». В своей монографии они пришли к заключению о том, что: а) поводом следует считать юридические факты, вызывающие деятельность по возбуждению уголовного дела; б) эти юридические факты лишь обуславливают данную деятельность, но отнюдь не определяют ее результата; в) они сами выражаются в указанных уголовно-процессуальным законом действиях, при помощи которых органы прокуратуры, суда, следствия и дознания осведомляются (получают или обнаруживают сведения) о готовящемся или совершенном преступлении; г) источниками первичных сведений о преступлениях, имеющими доказательственное значение при решении вопроса о возбуждении уголовного дела, могут быть как документы, в которых отражаются эти действия, так и всякие иные документы (вещественные источники), которые, так или иначе, оказываются в распоряжении названных выше органов¹¹.

Через повод к возбуждению уголовного дела находит отражение такой сложный юридический факт, как преступление¹². Само собой, схема отражения этого факта в стадии возбуждения уголовного дела не может быть той, что предлагается ст. 73 УПК РФ. Вместе с тем, мнение, что в первой стадии процесса также имеется свой предмет доказывания,

¹¹ Эти выводы, по мнению указанных авторов, соответствуют также этимологическому и логическому содержанию термина «повод», который с этой точки зрения есть не что иное, как толчок, побуждение, повлекшие за собой определенные действия. См.: *Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н. Указ. соч.* – С. 95–100.

¹² «Сложный юридический факт – факт, который складывается из нескольких элементов. Примерами сложных юридических фактов могут служить: правонарушение (преступление)». См.: *Юридический словарь* / Под ред. А.И. Азриеляна. – М.: Институт новой экономики, 2007. – С. 1096.

сегодня не вызывает особых возражений. Этот предмет должен позволять констатировать факт совершения преступлений. И к этому факту должны предъявляться требования достоверности. Последнее и обеспечивается наличием достаточных данных, указывающих на признаки преступления.

Поэтому мы не можем согласиться с предложением Л.В. Березиной, предлагающей законодательно уточнить дефиницию основания для возбуждения уголовного дела¹³. Она предлагает такую формулировку: «Основанием для возбуждения уголовного дела является обоснованное предположение органа дознания, дознавателя, следователя и прокурора о наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления» [6, С. 7].

Мы полагаем, что обоснованное предположение – это результат оценочной деятельности органов расследования, опирающейся на достоверно установленные факты, из которых складывается картина признаков преступления. Мы *должны не предполагать достаточные данные, а иметь их в наличии*.

Юридический факт, как известно, порождает правоотношения. Известно и то, что преступление является предпосылкой возникновения в первую очередь уголовно-правовых правоотношений. Причем природа этих правоотношений носит в некотором роде «мистический» характер: преступление всегда влечет появление уголовно-правового отношения, это отношение существует независимо от того, известен факт преступления или нет. Уголовно-процессуальные правоотношения – более «земные». Они носят служебный характер по отношению к уголовно-правовым. Причем известно, что уголовно-процессуальные отношения могут появляться и без преступлений. И это вовсе не аномалия (хотя, естественно, и не норма): уголовно-процессуальная деятельность возникает лишь на основании предположения о преступлении. «Совершение преступления, – указывает В.П. Божьев, – отнюдь не всегда вызывает возникновение уголовно-процессуальных правоотношений, поскольку не обо всех преступлениях становится известно субъектам уголовно-процессуальных отношений – компетентным государственным органам. С другой стороны, ложные или ошибочные сообщения о преступлении обуславливают возникновение уголовно-процессуальных отношений при фактическом отсутствии уголовно-правовых отношений» [7, С. 14].

Поэтому в основе возникновения уголовно-процессуальных правоотношений лежит именно повод как образ предполагаемого преступления. Однако следует помнить, что уголовный процесс – деятельность, представляющая публичные интересы. Поэтому образ предполагаемого преступления должен быть явным, убедительным и соответствующим образом удостоверенным, т. е. переведенным в соответствующие формулировки.

С этой точки зрения трактовке повода (как образа) явно недостает дополнительной опоры – основания для возбуждения уголовного дела.

По нашему мнению, образ предполагаемого преступления создается системным единством повода и основания для возбуждения уголовного дела. В любом юридическом вузе студентам внушают, что дело может быть возбуждено лишь при наличии повода и

¹³ Исследования показывают, что и нынешний вариант законодательной дефиниции понятия основания для возбуждения уголовного дела нелегко для понимания. По данным С.С. Безрукова, эта формулировка вызывает затруднение при принятии решения о возбуждении уголовного дела у 13% следователей, 12,3% прокуроров, 11% судей. См.: Безруков С.С. Оценочные понятия и термины в уголовно-процессуальном законодательстве: Автореф. дис... канд. юрид. наук. – М., 2001. – С. 20.

основания. А это означает, что свойство возбуждения дела возникает только у системы «повод + основание». Это и есть проявление системного свойства эмерджентности, выражаемого известной формулой: целое больше, чем сумма частей.

В связи с этим мы выдвигаем гипотезу, что главным *источником системности поводов является связка поводов и оснований*. Последние, взятые в совокупности, сами представляют собой системное образование.

Результаты проверки этой гипотезы мы изложим в следующей статье, а пока обратимся к еще одному плану понятия поводов. Рассмотрим это понятие, исходя из ведомственной нормативной трактовки поводов.

На сегодняшний день имеется множество приказов, касающихся первоначальной стадии уголовного процесса. Но мы посмотрим на проблему ведомственной интерпретации поводов в историческом ключе.

В качестве отправного источника возьмем Приказ МВД СССР № 415 от 11 ноября 1990 г. «Об утверждении Примерной инструкции о порядке приема, регистрации, учета и разрешения в органах и учреждениях внутренних дел заявлений, сообщений и другой информации о преступлениях и происшествиях». Этот акт давно не действует. Но нам он интересен не своей юридической силой, а хорошо выраженным ведомственным подходом к интерпретации поводов к возбуждению уголовного дела. Заметим попутно, что этот подход остается неизменным и в действующих инструкциях.

В избранной для анализа инструкции проводится дифференциация первичной информации о преступлении. Согласно п. 1.2. информация о преступлениях и происшествиях подразделяется в зависимости от формы поступления на две группы: 1) заявления и сообщения о преступлениях, поступающие в органы внутренних дел и являющиеся в соответствии с уголовно-процессуальным законом поводом к возбуждению уголовного дела; 2) другая информация о преступлениях и происшествиях.

Как видим, в основе дифференциации лежит форма поступления информации. Формальная сторона вообще находится в центре инструкции. В п. 1.3 читаем: «Заявления и сообщения о преступлениях – это поступающая в органы внутренних дел информация, которая требует установленного законодательством... режима процессуального порядка их рассмотрения».

Далее следует развернутая система информационных источников, составляющих содержание соответствующего повода. Инструкция указывает: «К заявлениям и сообщениям о преступлениях, являющимся поводами к возбуждению уголовного дела, относятся: устные заявления после разъяснения ответственности за заведомо ложный донос, оформленные протоколом и подписанные заявителем; письменные заявления или письма граждан, имеющие необходимые реквизиты и оформленные в соответствии с уголовно-процессуальным законом; заявления и сообщения о безвестном исчезновении граждан; письменные сообщения добровольных народных дружин по охране общественного порядка, товарищеских судов и других общественных организаций; письменные сообщения предприятий организаций и должностных лиц. В настоящей инструкции под заявлениями и сообщениями о преступлениях понимаются также явки с повинной, оформленные в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона».

Из приведенного фрагмента следует, что *повод в уголовном процессе не всегда представляет собой готовую субстанцию. Гораздо чаще он формируется специально.* Не случайно этот аспект выделяется представителями «милицейской» школы процессуалистов. Т.Н. Москалькова подчеркивает, что повод – это «источник информации о преступлении, надлежаще оформленный и переданный лицу или органу, уполномоченному принимать решение о возбуждении уголовного дела» [21, С. 302].

Формирование повода включает в себя и активную мыслительную деятельность: любая информация должна оцениваться на предмет содержания в ней подтверждения признаков преступления. Если есть намек на это, то необходимо предпринять действия по формированию повода.

Ученых-процессуалистов рассматриваемая инструкция привлекала тем, что она, по их мнению, по некоторым параметрам шла вразрез с уголовно-процессуальным законодательством. Так, А.П. Попов, анализируя этот документ, указал: «Если сопоставить инструктивный перечень поводов к возбуждению уголовного дела с аналогичным перечнем, данным в ст. 108 УПК РСФСР, то можно увидеть, что потерялись еще два повода – заметки и письма, опубликованные в печати, и «непосредственное обнаружение» [25, С. 47].

Действительно, Инструкция поместила эти поводы в группу «другой информации», которую, согласно п. 1.4. Инструкции, составляют: «информация граждан, представителей общественных организаций и должностных лиц, поступившая по телефону (телефаксу), телеграфу или радио; сообщения персонала лечебных учреждений <...>; работников паспортных аппаратов <...>; работников Госавтоинспекции <...>; работников подразделений вневедомственной охраны <...>; *статьи, заметки и письма, опубликованные в печати и других средствах массовой информации; письма учреждений Госстраха <...>; рапорты работников органов внутренних дел о непосредственно обнаруженных или выявленных происшествиях.*

Курсивом мы выделили те информационные источники, которые по смыслу напоминают поводы, содержащиеся в ст. 108 УПК РСФСР. Мы не случайно говорим лишь о напоминании, а не о буквальном совпадении. Это говорит о том, что Инструкция (читай – МВД России) имеет к этим источникам особое отношение.

Тот, кто не разобрался с основаниями ведомственной специфики, предпочел ее критику. Однако нашлись и те, кому интереснее было прояснить практическую логику ведомственного нормотворчества. Таким образом, к примеру, поступил А.П. Попов. Деление всей информации, поступающей в ОВД, на поводы к возбуждению уголовного дела и другую информацию натолкнуло автора на мысль, что в основе группировки лежит идея содержательной оценки информации.

«Поводом, согласно инструкции, – пишет он, – является информация, указывающая на совершение преступления и облеченная в процессуальную, а точнее – в квазипроцессуальную форму. Инструкция весьма доходчиво подчеркивает формальный момент, говоря, например, не просто о заявлении гражданина, а именно об «устном заявлении после разъяснения ответственности за заведомо ложный донос, оформленном протоколом и подписанные заявителем». То же заявление, сделанное по телефону, относится к другой информации, поскольку отсутствует материальный (формальный)

признак. Вместе с тем, формальный признак не может служить основанием для «железной» классификации информации на поводы и другую информацию. Среди «другой информации» содержится немало информационных источников, облеченных в форму документов (сообщения различных органов). Здесь критерий отнесения этих сообщений в иную, нежели поводы, группу другой – содержательный. В сообщениях государственных органов содержится, как можно предположить, не информация о преступлениях, а констатация какого-то факта (следствия) при допускаемом законом юридическом безразличии к причине. Делать подобные сообщения они обязаны согласно своим ведомственным предписаниям» [25, С. 47-48].

А.П. Попов затронул и проблему сообщений, имеющих в средствах массовой информации. То, что инструкция не относит этот источник к поводам, он одобряет. «Представляется, – пишет он, – что подобный подход достаточно логичен и практически оправдан. Если на каждую заметку в печати (а сегодня, пожалуй, редкий день обходится без сенсационных разоблачений) реагировать подобным образом, то, пожалуй, бланков об отказе в возбуждении уголовного дела не хватит» [25, С. 49].

Размышления А.П. Попова интересны, хотя и дискуссионны. Мы не станем разбирать его тезисы. На наш взгляд, корни дифференциации поводов лежат гораздо глубже. Они не могут быть объяснены только практической целесообразностью. Здесь проявляют себя все нюансы понятия повода.

Если не ограничивать исторический метод познания советской ведомственной инструкцией, а заглянуть еще на полтора века назад, то можно увидеть, что разграничение поводов на классы обусловлено генетически. Так, И.Я. Фойницкий, характеризуя систему поводов для возбуждения уголовного дела по Уставу Уголовного судопроизводства, пишет: «Начало предварительного следствия обуславливается наличием одного из тех пяти законных поводов, которые указаны в статье 297 Устава уголовного судопроизводства; как скоро появился такой повод, судебный следователь постановляет о начатии дела. Некоторые из этих поводов безусловно обязательны (выделено нами. – Е.К.) для следователя в том смысле, что при наличии их он не может не начать следствия; другие же не обязывают его к начатию дела, а лишь дают ему на это право. К первым относятся жалобы потерпевших, предложение прокурора и возбуждение дела начальством обвиняемого; ко вторым – сообщения полиции, явка с повинной и заявления лиц, не потерпевших от преступного деяния» [36, С. 397].

Таким образом, можно говорить о том, что в ведомственных инструкциях нашли отражение определенные исторические закономерности. Точнее, речь идет об эмпирических обобщениях. Историческая практика показывает, что ряд информационных сигналов нуждаются в проверке. Это, по нашим оценкам, преимущественно те сигналы, в отношении которых еще не выработана четкая уголовно-процессуальная форма.

Именно поэтому «другая информация» (как разновидность информации о преступлении) в любом случае должна подлежать проверке. Так, п. 4.2. рассматриваемой инструкции обязывает дежурного принять меры к ее незамедлительной проверке. Указанная информация может служить поводом для выезда на место происшествия, принятия мер по обеспечению сохранности следов, кинофотосъемки и видеозаписи, проведения оперативно-розыскных мероприятий, назначения ревизии или контрольных

обмеров, получения объяснений или производства других проверочных действий. По результатам этой проверки может быть принято любое решение, в том числе и о возбуждении уголовного дела. При проверке же информации, являющейся, согласно Инструкции, поводом, могут быть приняты решения, предусмотренные уголовно-процессуальным законом – о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела, о передаче по подследственности или подсудности. Здесь у органа, принявшего заявление-повод, появляется юридическая обязанность разрешить заявление одним из предусмотренных УПК решением.

Обзор Инструкции мы завершим следующим указанием: «Если признаки преступления обнаружены в процессе рассмотрения другой информации или выполнения служебных обязанностей, то работник, который их выявил, обязан составить рапорт (выделено нами. – Е.К.) о непосредственном обнаружении признаков преступлений, являющихся в соответствии с требованиями УПК поводом для возбуждения уголовного дела».

В приведенной цитате мы выделили слово «рапорт». Оценивая эту фразу в контексте современного УПК РФ и современного же ведомственного нормотворчества, можно сделать вывод, что на нынешнюю систему поводов существенное влияние оказала ведомственная практика, т. е. исторический опыт полиции. Таким образом, можно сделать вывод, что *современная система поводов сочетает в себе полицейские (ведомственные) и исторические предпосылки – предпосылки различной юридической силы поводов*. Получается, что всякий повод побуждает, но не всякий побуждает одинаково и к одной и той же совокупности действий.

На ведомственные предпосылки системы поводов обращает внимание и указание на рапорт об обнаружении признаков преступления. Ведомственная инструкция дает понять, что этот рапорт, по сути, и является поводом. Отголоски этого подхода мы непосредственно наблюдаем в главе 19 УПК РФ и п. 43 ст. 5 УПК РФ.

Законодатель, разъясняя понятие «сообщение о преступлении» (п. 43 ст. 5 УПК РФ.), называет только первые два повода, а вместо сообщения о совершенном или готовящемся преступлении, полученном из иных источников, называет «рапорт об обнаружении преступления».

Несогласованность между ст. 5 и ст. 140 УПК усугубляется ст. 143 УПК, названной, вопреки двум предыдущим, «Рапорт об обнаружении признаков преступления». Текст ст. 143 гласит: «Сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников, чем указанные в статьях 141 и 142 настоящего Кодекса, принимается лицом, получившим данное сообщение, о чем составляется рапорт об обнаружении признаков преступления».

На эти моменты обращает внимание С.И. Гирько. Он, в частности, пишет: «Логика законодателя трудно понять. Одно ясно – налицо явные, не столько редакционные, сколько существенные, несогласованности между нормами, посвященными одному и тому же предмету регулирования. Очевидно, что подобные неопределенности не украшают УПК и потому не должны в нем оставаться»¹⁴.

¹⁴ Гирько С.И. Роль и функции милиции в уголовном процессе России: Монография. – М., 2005. – С. 80. С.И. Гирько в указанной работе дает развернутый анализ другого ведомственного акта – Инструкции МВД России «Об

В данной статье мы изложили информацию об основных проблемах, которые связаны с понятием повода к возбуждению уголовного дела. К отдельным моментам мы еще будем возвращаться при характеристике конкретных поводов. Существенное прибавление к пониманию системообразующих аспектов понятия повода, на наш взгляд, может дать следующая статья.

Литература

1. Александров А.С., Ковтун Н.Н., Поляков М.П., Сереброва С.П. Уголовный процесс России: Учебник // Научн. ред. В.Т. Томин. М., 2003.
2. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999.
3. Арсеньев В.Д. Доказывание фактических обстоятельств дела в отдельных стадиях советского уголовного процесса // Вопросы борьбы с преступностью. Труды Иркутского государственного университета. – Серия юридическая. – Иркутск, 1969. Вып. 8. Ч. 4. Т. 45.
4. Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 2-е изд., перераб. и доп. М, 2003.
5. Безруков С.С. Оценочные понятия и термины в уголовно-процессуальном законодательстве: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2001.
6. Березина Л.В. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела по УПК Российской Федерации: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Саратов, 2003.
7. Божьев В.П. Уголовно-процессуальные правоотношения: Автореф. дис... д-ра юрид. наук. М., 1994.
8. Быков В.М., Березина Л.В. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела. – Казань: Изд-во «Таглитмат».– ИЭУП, 2006. – 256 с.
9. Гирько С.И. Роль и функции милиции в уголовном процессе России: Монография. М., 2005.
10. Григорьев В.Н. Возбуждение уголовного дела / Лекция-консультация. М., 2002.
11. Громов Н.А. Уголовный процесс России: Учебник. / Н.А. Громов, А.Н. Гуцин, В.А. Пономаренков, Ю.В. Франциферов. М., 2001.
12. Дмитриев И.Р. «Свободный» повод для возбуждения уголовного дела.: Дис... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005.
13. Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н. Возбуждение уголовного дела. М.: Госюриздат, 1961.
14. Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н. Возбуждение уголовного дела. М., 1965.
15. Карев Д.С., Савгирова Н.М. Возбуждение и расследование уголовных дел. М., 1967.
16. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В.И. Радченко; Науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2006.

утверждении инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в органах внутренних дел Российской Федерации сообщений о преступлениях и иной информации о правонарушениях», объявленной приказом МВД РФ № 158 от 13 марта 2003 г.

17. Копьева А.Н. Значение документов при возбуждении уголовного дела // Вопросы борьбы с преступностью. Труды Иркутского государственного университета. Серия юридическая. Иркутск, 1971. Вып. 11. Ч. 4. Т. 81.
18. Масленникова Л.Н. Возбуждение уголовного дела // Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / Под ред. Лупинской П.А. М., 2003.
19. Михайленко А.Р. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе: Учебное пособие / Под ред. проф. А.Л. Цыпкина. Саратов, 1975.
20. Мотовиловкер Я.О. Предмет советского уголовного процесса: Учебное пособие для студентов, изучающих спецкурс «Предмет советского уголовного процесса». Ярославль, 1974.
21. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.М. Лебедева; Науч. ред. В.П. Божьев. 2-е изд., перераб и доп. М., 2004.
22. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. – М., 2003.
23. Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 16 июля 2004 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 6.
24. Пономаренков В.А. Уголовное судопроизводство: Учебное пособие. Самара, 2002.
25. Попов А.П. Непосредственное обнаружение признаков преступления как повод к возбуждению уголовного дела: Дис... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999.
26. Практикум по советскому уголовному процессу: Выпуск 2. / Под общ. ред. проф. В.Т. Томина и к.ю.н. Г.Н. Козырева. Изд. 3-е, перераб. и доп. Нижний Новгород, 1991.
27. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. Петроград, 1914.
28. Рыжаков А.П. Возбуждение и отказ в возбуждении уголовного дела. М., 2001.
29. Рыжаков А.П. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. 3-е изд., изм. и доп. М., 2003.
30. Сердюков П.П. Доказательства в стадии возбуждения уголовного дела: Учебное пособие. – Иркутск, 1981.
31. Случевский В. Русский уголовный процесс. СПб., 1913.
32. Смирнов А.В. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Постатейный / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский. Под общ. ред. А.В. Смирнова. 2-е изд., доп. и перераб. СПб, 2004.
33. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: В 2 т. – М., 1970. – Т. 2.
34. Темушкин О.П. Возбуждение уголовного дела // Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / Под ред. Лупинской П.А. М., 2000.
35. Томин В.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / Отв. ред. В.И. Радченко; Под ред. В.Т. Томина. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1999.
36. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: В 2 т. СПб., 1996. Т. 2.
37. Шевченко И.А. Повод к возбуждению производства по уголовному делу // Российский следователь. 2002. № 11. С. 16-17.
38. Юридический словарь / Под ред. А.И. Азриеляна. М.: Институт новой экономики, 2007.

39. Якупов Р.Х. Уголовный процесс: Учебник для вузов. М., 1999.

Kuz'menko E.S. Ponjatie povoda k возбужденiju ugovnogo dela // Nauka. Mysl'. - № 1. – 2016.

© Е.С. Кузьменко, 2016.
© «Наука. Мысль», 2016.

— ● —

Abstract. This article presents the study of the theoretical and practical foundations of the initiation of criminal trial, while special attention is paid to the system the reasons for initiation of criminal proceedings.

Keywords: criminal case, initiation of criminal trial, criminal law.

— ● —

Сведения об авторе

Елена Сергеевна Кузьменко, кандидат юридических наук, Нижегородская академия МВД России (Нижний Новгород, Россия).

— ● —

Подписано в печать 15.01.2016.
© Наука. Мысль, 2016.